

История и политика: суждения В.О. Ключевского

Юрий Поляков, Наталия Щербань

Василий Осипович Ключевский – один из самых замечательных историков России, снискавший себе мировую славу (в США его имя даже присвоено малой планете № 4560). Но он до сих пор не дождался памятника в Москве, его именем не названа ни одна московская улица, а на стене исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова не висит мемориальная доска в его честь, хотя он проработал там около 50 лет. При этом более 30 из них Ключевский занимал кафедру истории России и был академиком не только истории, но и изящной словесности. Юбилей историка (170 лет со дня рождения и 100 лет со дня смерти) прошёл в 2011 г. более чем скромно. Между тем именно Ключевский и его учитель С.М. Соловьёв вывели российскую историографию в первые ряды мировой исторической науки, развив всё то передовое, что уже накопили до них русские историки.

Парадоксально, но факт: с каждым годом всё больше читателей в России обращаются к его трудам. Недаром говорят, что большое видится на расстоянии. Думающих людей, причем не только историков, интересует, куда идёт страна, почему так часто случались в России смуты и как не допускать их в дальнейшем, какова роль народа в истории Отечества и многое другое, – словом, целый спектр вопросов, отражающих одну общую проблему: история России на мировом фоне. И едва ли не наиболее острый её аспект – *взаимоотношение истории и политики*. «Одним из отличительных признаков великого народа, – писал Ключевский, – служит его способность подниматься на ноги после падения»¹. Это абсолютно верное суждение подтверждено событиями всего прошедшего после смерти Василия Осиповича столетия, в которых влияние политики находило сложные, противоречивые, порой причудливые проявления.

В литературе на тему «история и политика» преобладают философские и политологические труды². Особенность Ключевского состоит в том, что он подходил к общим проблемам, опираясь на конкретно-исторический анализ живой истории России со всей её многомерностью и противоречивостью. Известен его призыв превратить историю в «науку об *общих* законах строения человеческого общества»³. Не допуская схематизма, он на конкретном материале нащупывал пружины, движущие человеческой историей. Таким образом, Ключевский предстаёт перед потомками не только как крупнейший историк, но и как оригинальный мыслитель, философ и социолог.

© 2013 г. Ю.А. Поляков, Н.В. Щербань

¹ Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1991. С. 65.

² См.: Эйнштейн А. Замечания о теории познания Бертрانا Рассела // *он же*. Собрание научных трудов. Т. 4. М., 1967; Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987; Историческая наука в России в XX веке. М., 1997; Конашев М.Б. Цензура в России: история и современность. Ч. 1. М., 2001; и др.

³ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3 кн. Кн. 1. М., 1993. С. 9.

В российской исторической литературе представлен широкий спектр высказываний об отношении Ключевского к проблеме «история и политика» и о его личной политической позиции. Коллеги и ученики Василия Осиповича, а также современные специалисты отмечали его необычайную щепетильность в этом вопросе и независимость как учёного от политической конъюнктуры⁴. В то же время предпринимались попытки приписать ему чуть ли не лакейское отношение к самодержавию, ссылаясь при этом на его речь в честь Александра III в Московском университете, на чтение им лекций больному вел. кн. Георгию Александровичу в Абастумане на Кавказе и даже на факт вызволения Ключевским из тюрьмы своего ученика П.Н. Милюкова, которое тот сам объяснял близостью учителя ко Двору. В связи с этим есть резон выяснить личную позицию Ключевского в данном вопросе, используя его научные труды, тексты лекций, дневниковые записи, архивные документы, а также высказывания современников. Как же Ключевский определял взаимоотношения истории и политики? Мы не увидим в его работах каких-либо попыток идентифицировать эти понятия и высказываний вроде крылатых выражений «история – это политика, обращенная в прошлое» или «политика делает историю». Историю он определял как «специальную науку», содержанием которой служит изучение «жизни человечества в её развитии и результатах», причём её предметом являются все стороны человеческого бытия, а не только политические отношения. Вслед за Геродотом или Ф. Гизо Ключевский выдвигал основополагающую для человеческой истории триаду факторов: личность, общество и природа. Политика выступает у него одной из составляющих всей работы историка, частью жизни «людского общества», и притом не всепоглощающей. В любом случае, по мнению Ключевского, «политика должна быть не более и не менее, как прикладной историей. Теперь она не более как отрицание истории и не менее как её искажение»⁵. Создаётся впечатление, что учёный предвидел попытки некоторых своих потомков свести историю к политике или рассматривать любые исторические события в политическом свете. Даже политические лозунги вроде свободы (что особенно важно отметить сегодня) он рассматривал в конкретно-исторических условиях, отмечая, что свобода для одних подчас оборачивается несвободой для других: «Личная свобода при известном складе общежития может вести к подавлению личности»⁶.

⁴ См.: Сборник статей, посвящённых В.О. Ключевскому. М., 1909; *Ключевский В.О.* Характеристики и воспоминания. М., 1912; *Бороздин И.Н.* Памяти Ключевского // Современный мир. СПб., 1911. № 5. С. 310; *Киреева Р.А.* Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1996; *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. М., 1974; *Янин В.Л.* Предисловие // *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. I. М., 1987; *Александров В.А.* Василий Осипович Ключевский // *Ключевский В.О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1991; *Богословский М.М.* Из воспоминаний о Ключевском // *Историография, мемуаристика, эпистолярная.* М., 1987; *Кизеветтер А.А.* На рубеже столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 1997; *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 1–2. М., 1990; *Щербань Н.В.* В.О. Ключевский о смуте // *Отечественная история.* 1997. № 3–4; *она же.* Цивилизационный подход к истории в трудах В.О. Ключевского // *Россия в XX веке. Судьбы исторической науки.* М., 1996; *она же.* Памяти великого историка. К 165-летию со дня рождения В.О. Ключевского // *Отечественная история.* 2006. № 2; *Киреева Р.В.* Лучший образец русской исторической литературы // В.О. Ключевский. О нравственности и русской культуре. М., 1998. С. 3–35; *Попов А.С.* Ключевский и его «школа»: синтез истории и социологии. М., 2001; *Бутаков Я.А.* Ключевский В.О. // *Общественная мысль России XVIII – начала XIX в.* Энциклопедия. М., 2005. С. 205–209; и др.

⁵ *Ключевский В.О.* Русская история... Кн. 1. С. 10; *он же.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 6.

⁶ *Ключевский В.О.* Русская история... Кн. 1. С. 14.

В каких условиях развивается историческая наука? От чего зависит востребованность её обществом? И Ключевский отвечал: это зависит от политических и экономических условий. Политические – это «государство и общество, их строение и взаимное отношение, люди, руководившие строением того и другого, условия внешние, международные и внутренние». Экономические же – это «производительные силы..., формы, в какие отливался государственный и хозяйственный быт народа». И, наконец, нельзя не учитывать чрезвычайные факторы, влияющие на развитие науки, – «глубокие переломы, социальные и нравственные, пережитые нашим обществом» (не случаен повышенный интерес учёного к состоянию умов в периоды смут). Полностью подчинённый политике историк ставит своей задачей «уловить, предчувствовать, предугадать» настрой того, от кого он зависит (наряду с прямым заказом). Главную же задачу отечественной исторической науки Ключевский определял, исходя из объективных факторов, как стремление раскрыть «всю широту и глубину исторической жизни народа». Существует здесь и практическая, прикладная задача – историческое воспитание народа, от чего зависит его роль в общественной жизни. «Достигнутый уровень народных сил, накопленный запас народных средств, – писал учёный, – это плоды многовекового труда наших предков... Их недоимки – наши задачи». Таким образом, «каждому народу история задаёт двустороннюю культурную работу – над природой страны, в которой ему суждено жить, и над своей собственной природой, над своими духовными силами и общественными отношениями». В этой связи особого внимания заслуживают слова Ключевского о важности исторического самовоспитания народа. Конечно, как говорится, каждое поколение стремится усовершенствовать мир «на основе собственных несовершенств». Это неизбежно. Но для того, чтобы идти по пути прогресса, важно постоянно использовать накопленный опыт, учиться у истории, а не учить её, не пытаться «высечь море»! И это относится в первую очередь к переломным, кризисным моментам истории. При этом важно осознавать высокую себестоимость собственных ошибок, проистекающих, как отмечал Ключевский, «от невежества или пренебрежения». Зато «историческое сознание даёт обществу, им обладающему, тот глазомер положения, то чутьё минуты, которые предохраняют его как от косности, так и от торопливости»⁷.

Так удивительно просто и объективно, а потому убедительно говорил великий историк о задачах исторической науки. И им он был верен всю жизнь. Читая его труды, особенно ясно видишь несостоятельность попыток некоторых современных историков выступать в роли судей истории («историк, – писал Ключевский, – наблюдатель, не следователь»⁸) или, более того, – попыток диктовать истории априорные схемы, далекие от реальности. Чего стоит, например, совет изучать историю древних славян да и вообще всю человеческую историю в свете современной концепции глобализма. Как будто не было средневековой раздробленности и не трещит под ударами кризиса современный мир... Причём не учитывается, что сегодня под «глобализмом» как одной из объективных тенденций XXI в. подчас скрывается и другое явление – глобальная экспансия.

Ясно, что политика, наряду с другими факторами, призвана создавать условия, необходимые для развития науки. В свою очередь, наука обеспечивает политику знаниями о развитии мира во всех его сферах и пониманием ведущих тенденций этого развития. У исторической науки есть при этом и своя специ-

⁷ Там же. С. 26, 28–32.

⁸ Ключевский В. О. Афоризмы... С. 30.

фика, ибо она связана с политикой теснее других отраслей знания. Этот «дуэт» совсем не прост. Известно: кто платит деньги, тот и заказывает музыку. Политика подчас не только определяет тематику научных трудов, но и расставляет смысловые акценты, а порой даже диктует выводы. В некоторой степени эти тенденции ограничены тем, что политикам необходимо получать от учёных в качестве рекомендаций достоверные сведения, причём многое зависит здесь и от уровня интеллекта и нравственности их самих. Поэтому Ключевский хорошо видел подводные камни данного союза и с горечью отмечал причины многих наших бед, говоря, что «у нас выработалась низшая форма государства, вотчина»⁹ и политика у нас чаще и активнее негативно влияет на науку. Тем не менее, как правило (за небольшими исключениями), даже в таких условиях Ключевскому удавалось сохранять независимость суждений. Более того, с его мнением считались и в политических кругах Российской империи. Он открыто заявлял, что «главное в истории – сама жизнь народа», и рассматривал Россию в каждый исторический период именно под этим углом зрения¹⁰.

Но не будем превращать образ учёного в икону. Для нас важно выяснить, как он, несмотря на указанные трудности, использовал свой метод в научной работе и в какой степени его идеи отвечают вызовам современной истории и науки. Начнём с того, что, как уже отмечалось выше, Ключевский неоднократно выступал инициатором применения комплексного подхода к истории, когда личность, природа и общество рассматриваются в неразрывной связи. Это потребовало от него определённой настойчивости, ибо уже в студенческие годы он столкнулся в университете с доминированием так называемой государственной школы, усматривавшей в государственной власти главное действующее лицо исторического процесса. Ключевский не только отстаивал свою точку зрения, но и постепенно внедрял свои подходы в конкретные учебные курсы. Истины ради следует заметить, что в советской исторической науке, где господствовал классовый подход, Ключевского не жаловали. Однако сама жизнь показала пагубность односторонней оценки исторических событий исключительно с точки зрения политики и необходимость учёта, наряду с социально-политическими факторами, влияния на историю природы и человеческой личности, которые заговорили о себе в полный голос в XX в. И не только учёта, но анализа взаимодействия всех трёх вышеназванных факторов. Ведь подчас на первый план выдвигаются то природные катаклизмы, то действия диктаторов, то социальные потрясения, и в разных условиях они проявляют себя по-разному. Синтез упомянутых факторов Ключевский пытался показать, разрабатывая новую периодизацию исторического процесса и на её основе – весь курс истории России. Усложнение современного исторического процесса только подтверждает правоту учёного.

Но историк не ограничивался теоретическими императивами, реализуя их на практике. Уже в студенческие годы Ключевский проявлял повышенный интерес к всестороннему анализу истории. Так, в реферате «Сравнительный очерк народно-религиозных воззрений» он уделил главное внимание влиянию природы на религиозные взгляды¹¹. В своём кандидатском сочинении

⁹ Ключевский В.О. Русская история... Кн. 1. С. 29–31.

¹⁰ Ключевский В.О. Афоризмы... С. 67; *он же*. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 161; *он же*. Русская история... Кн. 1. С. 30, 143–144, 506; Кн. 2. М., 1993. С. 45–72; Кн. 3. М., 1993. С. 333–335, 532; *он же*. Исторические портреты... С. 195, 319.

¹¹ Александров В.А. Василий Осипович Ключевский // Ключевский В.О. Исторические портреты... С. 7.

«Сказания иностранцев о Московском государстве» он осветил очень интересный аспект взаимодействия западной и российской культур, показав, в частности, как в трудах иностранцев о России проявился их менталитет. Работа в течение шести лет над «Житиями святых...» вывела его на проблемы колонизации новых территорий и социальные аспекты истории монастырей. А к докторской диссертации «Боярская Дума в Древней Руси» Ключевский добавил подзаголовок: «в связи с классами и интересами, господствовавшими в древнерусском обществе». И уже в первом курсе лекций, прочитанном в 1872–1875 гг., была задействована вся его «триада»¹², что подтверждает правило: чем основательнее проводится такой всесторонний анализ, чем больше отходит учёный от политической конъюнктуры, тем независимее он себя чувствует, тем убедительнее его выводы и, соответственно, – выше их научная ценность.

Как конкретно воплощались идеи исторического синтеза в творчестве Ключевского? Учитывая, что тема «история и политика» многопланова и по сути неисчерпаема, остановимся на двух политически острых сюжетах: об основных путях развития общества и о политической роли в нём научной интеллигенции. Сила Ключевского заключалась в его умении определить ведущие тенденции, действующие как во всём мире, так и конкретно в России. Ставя перед читателем судьбоносные вопросы о том, как народ – эта главная сила исторического процесса – отвечает на вызовы жизни, историк освещал целую группу проблем. Очень важен его анализ основных путей исторического развития, лишённый той политизации, которая отличает труды некоторых современных историков, любящих сегодня хвалить реформы и ругать революции. Ключевский тоже предпочитал реформы социальным потрясениям, но, помня о своём долге исследователя, а не судьи, анализировал причины, характер и значение не только реформ, но и революций как реального явления в жизни общества. Он видел при этом три пути развития разных стран – реформу, революцию, смуту.

В чём состоял подход Ключевского к анализу реформ в России? На примере освещения им деятельности Петра I можно видеть, как он характеризовал великую личность в качестве одной из движущих сил истории. Учёный высмеивал попытки некоторых литераторов эмоционально оценивать Петра: «Во-первых, его действия судят, его сажают на скамью подсудимых, решают вопрос о его виновности, определяют приговор: была ли его реформа ошибочна или напротив», а во-вторых, «видят в реформе неожиданный поворот»¹³. Сам же Ключевский выяснял причины, которые вызвали реформы Петра к жизни, их цели, ход, взаимосвязь и значение. Это позволило ему адекватно оценить и роль личности Петра в истории России. Он подчёркивал, что тот «сделал столько, чтобы придать власти характер долга, а не произвола». Историк отмечал его «непоколебимую преданность... делу, широкий и светлый взгляд на свои задачи, смелые планы». В числе последних было прежде всего «усиление производительных сил страны», на что должны были быть направлены и финансовые преобразования. «Реформа вышла из насущных нужд государства и народа», и для её успеха необходимы были высокая нравственность, реальная и бескомпромиссная борьба с коррупцией. С царской дубинкой были знакомы

¹² См.: Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 6–8; он же. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве. 1872–1875. М., 1997. С. 44; и др.

¹³ Ключевский В.О. Лекции по русской истории... С. 558.

ближайшие сподвижники Петра, в том числе и его любимец кн. А.Д. Меншиков. Пётр понимал: потеря нравственного престижа реформаторов ведёт и к падению престижа самой власти¹⁴. А чтобы «не дать старине одолеть реформу», «сдернуть с русских глаз наброшенную на них неприятелем завесу»¹⁵, необходимы опора на науку и просвещение народа.

Планы Петра реализовывались в определённой исторической среде. Поэтому, рассматривая его реформы с точки зрения истории народа, Ключевский показал их противоречивость и негативное воздействие государственной власти на народ: «Пётр сделал более сильным и более богатым государство, но не обогатил и не просветил народа», ибо реформы проводились за счёт последнего. Царь «от предшественников... унаследовал два вредных политических предубеждения – веру в творческую мощь власти и уверенность в неистощимости народных сил и народного терпения... Вводя всё насильственно, ...он строил правомерный порядок на общем беспорядке»¹⁶. К общей черте любых реформ, проводимых в мире, – внедрению нового старыми средствами и методами – прибавилась и чисто русская: «постройка европейского государственного фасада и самоохрана династии»¹⁷. Таким образом, Ключевский нащупал то роковое противоречие российских реформ, которое сказалось, в частности, и на судьбе петровских преобразований.

Итак, корректно говорить о противоречиях в деятельности Петра, а не однозначно утверждать, что Ключевский относился к нему и его реформам отрицательно. Более того, он не только сам предпринял всесторонний анализ петровских реформ, но и учил этому своих учеников, предостерегая их от политизации истории и предвзятости. Приведём пример. В отделе рукописей РГБ хранится конкурсная работа одного из студентов исторического факультета «“Книга о скудости и богатстве” Ивана Посошкова в связи с преобразовательной деятельностью Петра Великого». Её отличают интересная постановка вопроса и последовательность изложения, но, несмотря на это, работа вызвала уничтожающую критику рецензента – Ключевского. Оказывается, вместо спокойного анализа взглядов Посошкова студент сбился на политическую полемику, допустив легковесные аналогии и политизированные оценки. Однако учитель не просто критиковал учеников, он учил их научно определять позицию автора, его вклад в науку и его недостатки.

Огромное значение придавал Ключевский своевременности проведения реформ, видя в их запоздалости «великое историческое затруднение русского народа», ибо вызов времени не терпит отлагательств. Так, называя реформы 1860-х гг. великими, он в то же время отмечал, что поздняя отмена крепостного права стала причиной многих последующих коллизий в российском обществе. Не вызывает сомнений его мысль о том, что запоздалость реформ Александра II не только снизила их эффективность, но и породила массу новых проблем, хотя и преждевременная, не назревшая должным образом реформа, по Ключевскому, была обречена на неудачу.

«Всего больше платимся мы за то, что не умеем быть вовремя умны... Гордый или самолюбивый человек и историк – не совместимые в одном лице

¹⁴ Ключевский В.О. Исторические портреты... С. 202, 222–233; *он же*. Русская история... Кн. 3. С. 68–70.

¹⁵ Ключевский В.О. Исторические портреты... С. 212.

¹⁶ Там же. С. 233, 253.

¹⁷ Ключевский В.О. Сочинения. Т. IX. М., 1990. С. 433; *он же*. Афоризмы... С. 78.

понятия», – писал он¹⁸. Думается, эти слова Ключевского задевают и болевые точки современного исторического сознания. Быть умным вовремя – многовековая народная мудрость («Снявши голову, по волосам не плачут»), из которой должен исходить учёный. И если историк амбициозен и самолюбив в смысле признания правильным только своего мнения и несогласия с разумной критикой, то он плохой историк.

Таково профессиональное отношение Ключевского к реформам. Но, отдавая им предпочтение как наиболее гуманному пути, он вместе с тем трезво констатировал реалии: когда правительство не может или не хочет проводить преобразования, тогда на вызов времени отвечает сам народ наиболее радикальным и кровавым способом – революцией. Для того, чтобы убедиться в правильности подобного вывода, Ключевский тщательно изучал историю той или иной страны. Так, в лекциях вел. кн. Георгию Александровичу (кстати, подобные лекции читали ему многие выдающиеся учёные России, и что же в этом факте конформистского?) Ключевский показал, как во Франции затяжка с реформами, попытки решать проблемы за народ, а не вместе с ним привели страну к революции 1789 г. Поучительный сюжет для представителей власти, говорящий о смелости лектора! Таким образом, сравнительный анализ сходных ситуаций в Европе и России давал и даёт сегодня нашим властям материал для раздумий о рациональном выборе пути нашего развития. При этом Ключевский мог обсуждать подобные альтернативы не только задним числом, через сто лет после событий XVIII в., а уже за десять лет *до* русского 1905 г.

Учёные давно убедились, что можно научно и конструктивно рассматривать острейшие политические вопросы истории. Нельзя не признать объективности Ключевского, более того – его смелости в анализе подобных судьбоносных вопросов. Так, он открыто утверждал, что чистка старины в ходе революции кровава, хотя и более радикальна, нежели в ходе реформ. Вооружённое восстание историк сравнивал с «приёмом касторового масла для нашего государственного и общественного организма: он даст мало питательного, но прочистит желудок для здорового питания»¹⁹. И вместе с тем, описывая в своих дневниковых записях ход первой российской революции, Ключевский слышал у обеих борющихся сторон «песню самоуничтожения», игру одних в конституцию, а других – в революцию²⁰. Он видел и незрелость российского общества: «Поколение спит на краю бездны; жаль, что оно исчезнет, не дав урока преемникам, – сорвётся и разобьётся раньше, чем проснётся». И добавлял: «Чтобы согреть Россию, они готовы сжечь её». Выявлял Ключевский и коренную причину нестабильности страны – отсутствие «взаимодействия правительственной власти и народного представительства»²¹.

Как уже отмечалось в литературе, Ключевский принял активное участие в работе Особого совещания по подготовке проекта нового Устава о печати и так называемых Петергофских совещаниях (июль 1905 г.). И здесь наглядно проявились его независимая позиция и забота о народе. В частности, учёный выступил против сословного представительства: «Какое впечатление произведёт сословность выборов на народ? Я не хочу быть зловещим пророком. Но она

¹⁸ Ключевский В.О. Афоризмы... С. 21.

¹⁹ Там же, С. 384.

²⁰ Там же, С. 382, 383.

²¹ Там же, С. 25, 26, 40; Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. М., 1992. С. 193.

может быть истолкована в смысле создания Государственной думы для защиты сословных интересов дворянства». В этом ключе Ключевский рассматривал все события 1905 г. Говоря о Манифесте 17 октября и о Положении о Государственной думе, он отмечал в дневнике: «Равнодушие в народе»²². И ещё один пример: 10 апреля 1906 г. Ключевский был избран членом Государственного совета от Академии наук и университетов, но уже 11 апреля отказался от этого звания, так как не считал его «достаточно независимым для свободного... обсуждения возникающих вопросов государственной жизни». Он полагал, что «Гос. совет является учреждением бюрократически-классовым (за исключением представителей от Академии и университетов) и не без плутократического оттенка». Эту характеристику историк включил и в свой лекционный курс²³. Как говорится, его пример – другим наука.

Но это не означало, что Ключевский вообще отошёл затем от политики. Однако подходил он к ней, как и подобает учёному. Возникает вопрос о его членстве в кадетской партии²⁴. Созданная в октябре 1905 г. на волне революции, она стала прибежищем прежде всего для немарксистской интеллигенции. Но её лидер, ученик Ключевского П.Н. Милюков, справедливо отмечал: «Партийную принадлежность Ключевского надо понимать со всеми оговорками». Да тот и сам признавался, что по ряду вопросов он «левее к.-д.». Причём это были существенные различия, и проявлялись они также и в методологических различиях между учителем и учеником: в то время как Ключевский считал главной задачей российской исторической науки изучение закономерностей развития нашей страны, Милюков акцентировал внимание на влиянии Запада на «отсталую Россию». Кадеты называли себя либералами, Ключевский же дистанцировался как от либералов, так и от консерваторов. «Либералы – игроки на глупость, консерваторы – игроки на трусость», – писал он. В отличие от многих кадетов-монархистов, одно время выступая за конституционную монархию, историк вместе с тем говорил о царизме как о тормозе развития России и прозорливо утверждал, что Николай II – последний русский царь. Тогда как он порицал и славянофилов, и западников за сектантство, Милюков называл последних «пророками нашего будущего». Наконец, в материалах Московского охранного отделения, тщательно следившего за деятельностью кадетов в Московском университете, ни разу не упоминалось имя Ключевского, членство которого в этой партии было достаточно формальным. И в политике, и в науке Ключевский был самостоятелен, за что его, кстати, очень ценили студенты. Они видели, что выступления учёного против попыток подчинить историю политике, приспособить её «к политическим надобностям» не расходятся с его делами. И когда студенты просили профессора повторить пропущенные ими из-за участия в волнениях лекции, он охотно это делал²⁵.

Если в стране нет сил ни «наверху», ни «внизу», считал Ключевский, тогда наступает смута – загнивание, развал, «война всех против всех»²⁶. Как и к другим проблемам, к смуте в исторической литературе существуют два подхода – политизированный и научный. Первый проявился уже в IV в. до н.э.,

²² Ключевский В.О. Афоризмы... С. 378.

²³ Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. С. 192.

²⁴ См.: Щербань Н.В. Памяти великого историка. К 165-летию со дня рождения В.О. Ключевского // Отечественная история. 2006. № 2. С. 82.

²⁵ Ключевский В.О. Афоризмы... С. 352.

²⁶ Там же. С. 326; Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. С. 368.

когда Аристотель выяснял, «чем, собственно, начинаются политические смуты и междоусобные распри»²⁷. В российской литературе под смутой долгое время понимали разгул преступности и разбой: «в государстве учинити смута для грабежу домов и животов»²⁸. Конец XIX в. был отмечен небывалым интересом к Великой смуте XVII в., причём угроза её повторения заставляла воспринимать такую возможность как национальную катастрофу. В XX в. этот анализ вышел уже на мировой уровень: так, А. Тойнби характеризовал её как «надлом цивилизации», но видел причину этого явления лишь в «неспособности лидеров продолжать игру с толпой»²⁹. В отечественной литературе Смуту вслед за Н.А. Бердяевым рассматривали как периодические «разрывы» в истории России вследствие двустороннего («Восток–Запад» или «Рим–Византия») влияния на нашу страну³⁰, и здесь в ход шли уже геополитические критерии. И только Ключевский, аккумулируя всё лучшее в отечественной и зарубежной историографии, создал научную концепцию смуты. У него нет специальных трудов на эту тему и развёрнутого определения смут, но соответствующие разделы в его лекциях, мысли в научных трудах и афоризмы создают отчётливое представление об их причинах, сути, ходе и последствиях.

Ключевский выполнил сложную задачу – добился, чтобы односторонние определения смуты «потеряли сектантскую исключительность», и составил представление об этом явлении «в аспекте всей нашей исторической жизни»³¹. При этом он прежде всего разграничил понятия «смута» и «кризис». Кризис, по Ключевскому, – это закономерность развития любого общества, свидетельство его перехода «от возраста к возрасту», сигнал обществу ответить на вызовы времени. Из кризиса можно выйти путём реформ («сверху») или революции («снизу»). Смута же мешает обновлению страны. Это болезнь общества, вызванная тупиковой ситуацией, потерей ориентиров и отсутствием сил для её преодоления. Но она не отрицает исторической закономерности. Ключевский называл смуты «историческими антиномиями», исключениями из правил, которые, однако, «раз образовавшись, в дальнейшем своём действии повинуются уже общим закономерностям человеческой жизни, как организм с расстроенной нервной системой... производит соответствующие своему расстройству ненормальные явления»³².

Что же мешало России идти нормальным путём реформ и почему в ней часто следовал за ними «откат» общества назад и наступала смута? Отвечая на этот вопрос, Ключевский сравнивал нашу страну с другими, различая долговременные и конкретно-исторические причины смут. Первые, по его мнению, нужно искать в длительных факторах развития страны – в особенностях её

²⁷ Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 529.

²⁸ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 3. СПб., 1884. С. 33. См. также: Иловайский Д.И. Смутное время Московского государства // *он же*. История России. Ч. 4. М., 1894; Платонов С.Ф. Смутное время. М., 1923; *он же*. Социальный кризис Смутного времени. Л., 1924; *он же*. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVIII вв. М., 1945; Соловьёв С.М. История Смутного времени // *он же*. История России с древнейших времён. Кн. IV. Т. 8. М., 1960; Карамзин И.М. История государства Российского. Т. XII. Тула, 1990; Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии. М., 1991; Данилевский И.Я. Россия и Европа. СПб., 1995; Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства. М., 1996; и др.

²⁹ Тойнби А.Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 74, 336–337.

³⁰ Бердяев Н.А. Русская идея. О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 45.

³¹ Ключевский В.О. Сочинения. Т. VII. М., 1989. С. 388.

³² Ключевский В.О. Русская история... Кн. 2. С. 130.

природы, формирования личности и общественных отношений. Применительно к России речь шла прежде всего о тяжёлых климатических условиях, негативно влиявших на психологический склад россиян и вызывавших «невозможность рассчитывать наперёд... и прямо идти к намеченной цели»³³. Немаловажную роль играют также личность и общественные отношения. Так, в Смуте XVII в. голодные годы были вызваны в значительной степени искусственно: землевладельцы, радуясь барышам, взвинчивали цены, торговцы раздували спекуляцию. Очень сильно приближение смуты сказывалось и на облике правителей. Иван Грозный, например, «при малейшем жизненном затруднении склонялся в дурную сторону». По одному подозрению в неверности он «разгромил Новгород с целой областью, как никогда не громили никакого русского города татары»³⁴. Государство воспринималось правителями как фамильная собственность: «На Московское государство и московский государь, и народ Московской Руси смотрели как на вотчину княжеской династии». «В этом *вотчинно-династическом* взгляде на государство, – заключал Ключевский, – я и вижу одну из основных причин Смуты»³⁵.

Одной из долговременных причин Смуты в области общественных отношений историк называл особенности колонизации в России. Колонизация, как известно, – явление мировое и разноплановое во времени и пространстве. В Греции, Риме и других странах Западной Европы она совершалась на базе уже сложившихся цивилизаций, а в России опережала складывание последней. Колонизаторы подчас встречали «не готовое общество..., а пустыню, которая только начинала заселяться... На такой почве можно было заводить какое угодно политическое хозяйничанье». Причины этого Ключевский видел в исторических особенностях складывания российского общества – в обширности территории, этнической пестроте и активной миграции населения страны. Влияло на этот процесс и непрерывное расширение государства. Чтобы удержать такой конгломерат в единстве, понадобились, по выражению учёного, «скрепы»: в политике – высокоцентрализованная власть, абсолютизм; в военной сфере – сильная армия для выполнения не только внешних функций, но и для подавления несогласных; в административном плане – рано развившаяся сильная бюрократия; в идеологии – господство в обществе, в том числе и у интеллигенции, авторитарного мышления, политизация религии; в экономике – стойкость крепостного права³⁶. Прогноз Ключевского гласил: «Пройдёт, быть может, ещё целое столетие, пока наша жизнь и мысль освободится от следов этого гнёта»³⁷. Сегодня он звучит весьма злободневно.

«Скрепы» играли негативную роль, когда в России наступало время перемен. Ключевский отмечал, что в периоды наступления смут авторитарная власть зачастую стремилась разрешить противоречия с помощью репрессивного аппарата, «подавить последствия зла, углубляя причины, его порождающие». Так действовали Иван Грозный и Борис Годунов. И это только ускорило приход Смуты. При этом, констатируя эти факты, Ключевский и объясняет их:

³³ Там же. Кн. 1. С. 280.

³⁴ Ключевский В.О. Исторические портреты. С. 80, 99.

³⁵ Ключевский В.О. Русская история... Кн. 2. С. 169.

³⁶ Там же. Кн. 1. С. 19–20, 310, 31; Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. С. 300–309, 355; *он же*. Исторические портреты. С. 103–104, 138, 315.

³⁷ Ключевский В.О. Сочинения. Т. III. М., 1988. С. 326; Т. V. М., 1989. С. 130; *он же*. Исторические портреты. С. 554.

«Когда отсутствует закон, политический вопрос обыкновенно решается господствующей силой»³⁸.

Каковы, по Ключевскому, конкретно-исторические причины смут? Прежде всего он связывал их с серьёзными переломами в жизни общества. Чертами разрушительного кризиса, ведущего к смуте, учёный считал отсутствие социальной силы, которая была бы способна её преодолеть, и поэтому смута приобретала затяжной характер и длилась до тех пор, пока такая креативная сила не созреет. Так, в начале XVII в. в России налицо было резкое ослабление царской власти, крестьянские восстания, разбои, грабежи, появление самозванцев, польское и шведское военное вмешательство и т.д. Ситуация казалась тупиковой, но выход в конце концов был найден с появлением достойных светских (в том числе и городских), а также духовных лидеров и новой правящей династии Романовых. Иностранцы были изгнаны, а уровень типичного для смутного времени в России противостояния «верха» и «низа» общества резко понизился, хотя отголоски смуты ещё долго давали о себе знать.

Ключевский пристально изучал свидетельства современников, например Авраамия Палицына: «Роскошь одежд у свиты, бояр и пр. – точно все женихи. А поляки и в банях мылись из золота и серебра», «строили красивые церкви и дорогие иконы, а сами в пьянстве и блуде жили»³⁹. Рядом же, отмечал Ключевский, «шло активное перераспределение земель в пользу землевладельцев. Сельское население сильно редело: старые деревни превращались в пустоши»⁴⁰. Как видим, историк не сводил причины Смуты XVII в. к одним политическим коллизиям и тем более только к роли монархии в России, как это делается иногда сейчас. Он учитывал все исторические особенности страны, в которой «нужда реформ назревает ранее, чем народ созревает для реформы»⁴¹. Монополизм «верхов» во всех сферах жизни вёл к загниванию, расколу и возмущениям. Вполне понятны слова Ключевского в ответ на утверждение историка Д.И. Иловайского об иноземном происхождении Смуты: «Лжедмитрий... был только испечён в польской печке, а заквашен в Москве»⁴².

Какова же, по Ключевскому, анатомия смут, будь то явление сугубо национальное или мировое? Достаточно сказать, что смутами сопровождалось падение многих древних и средневековых цивилизаций (Греции, Рима, Византии). Но везде они начинались с упадка центральной власти, роста центробежных тенденций, разорения казны и т.д. и сопровождалось беспорядками, разрушениями, расколом общества, озлоблением всех против всех. Для смут, как писал Ключевский, характерны «власть без ясного сознания своих задач и пределов и с поколебленным авторитетом», «общественное мнение... без чувства личного и национального достоинства» и т.п.⁴³ Ключевский писал о кризисе сознания, отмечая у людей в смутные времена конформизм, спячку либо эмоциональный стресс, неуверенность в завтрашнем дне, разочарование, преобладание инстинкта над разумом, страх и агрессивность, паразитизм, уход в себя⁴⁴. Но главным в духовной сфере был «недостаток народного самосознания»⁴⁵.

³⁸ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. С. 27.

³⁹ Ключевский В.О. Русская история... Кн. 2. С. 123, 131.

⁴⁰ Ключевский В.О. Исторические портреты. С. 80–82.

⁴¹ Ключевский В.О. Афоризмы... С. 407.

⁴² Ключевский В.О. Русская история... Кн. 2. С. 151.

⁴³ Ключевский В.О. Исторические портреты. С. 318.

⁴⁴ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. С. 184, 185, 189, 294–295, 331, 363.

⁴⁵ Там же. С. 295–298; Ключевский В.О. Афоризмы... С. 464.

Когда читаешь об этом, создаётся впечатление, что великий историк находится где-то рядом с нами.

Ключевский выделял три этапа смуты. При отсутствии в обществе преобладающей социальной силы она последовательно захватывает все его слои начиная с правителей. И это понятно, ибо она проявляется прежде всего в политических коллизиях, которые непосредственно вызвали её появление (коллапс династии, перерождение или анемия «верхов», вакуум власти, двоевластие и т.п.). Политические «скрепы» в это время поддерживаются более стойкими духовными. Но когда и поскольку «верхи» неспособны решать возникшие проблемы, а вместо этого ведут «верхушечную борьбу за власть», смута спускается «ниже этажом». Вместо «ограждения подданных от произвола сверху» правящие слои, по сути, закрепляют «старые обычаи в новой оболочке» и тем самым предают свой народ. Происходит социальное «переслоение», причём разрушение национальных союзов, по опыту истории, чревато вмешательством иностранцев, как это было в XIII, XVII вв. и в дальнейшем. При этом налицо был «разврат высших классов» и одновременно «пассивная храбрость народа»⁴⁶. «Бури смутного времени, – писал Ключевский, – произвели глубокие опустошения как в хозяйственном положении народа, так и в нравственном настроении русского общества. Страна была крайне разорена». В итоге, делал он вывод, «недовольство становится и до конца века остаётся господствующей нотой в настроении народных масс». XVII век стал временем народных мятежей, или, как его называли, «бунташным веком»⁴⁷. Ученик Ключевского А.А. Кизеветтер, упрекавший Милюкова за «отход от науки для политики»⁴⁸, предлагал исследовать цели этих движений, особенно в смутные времена. Это были движения за социальную справедливость и против процесса закрепощения. Самозванщина же, как доказано Ключевским, была скорее изобретением социальных «верхов».

В чём Ключевский видел «лекарство от смуты»? Здесь он различал болезни долговременные, которые с концом той или иной смуты так и не устранялись, и текущие, которые нужно было преодолеть, чтобы выйти из неё. Историк прослеживал, как наряду с прогрессивными преобразованиями происходило «осложнение жизни общества», поскольку они зачастую ухудшали положение большинства населения. Он сравнивал преодоление смут в Европе и в России: «Когда перед европейским государством становятся новые и трудные задачи, оно ищет новых средств в своём народе и обыкновенно их находит, потому что европейский народ, живя нормальной, последовательной жизнью..., без особенной натуги уделяет на помощь своему государству заранее заготовленный избыток своего труда и мысли». Иное дело – Россия: «Особенностью русского совершеннолетия было разве только то, что... русский народ слишком долго засиделся сиднем в своём детстве..., что он освободился от крепостного права (когда его старшие европейские братья успели забыть, что оно у них когда-либо существовало)»⁴⁹.

Рисую лучезарную картину реформ на Западе, Ключевский противоречил самому себе (см. выше о причинах революции 1789 г. во Франции). Однако

⁴⁶ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. С. 354.

⁴⁷ Ключевский В.О. Русская история... Кн. 2. С. 201–202, 204.

⁴⁸ См.: Кизеветтер А.А. На рубеже столетий. Воспоминания. 1881–1914. Прага, 1929. С. 145–168; Милюков П.Н. Три поколения. Прага, 1937. С. 14–15.

⁴⁹ Ключевский В.О. Русская история... Кн. 2. С. 131; он же. Исторические портреты. С. 554.

бесспорно его утверждение, что выход России из Смуты XVII в. в условиях абсолютизма и крепостного права был особенно труден и имел негативные последствия, вызванные тем, что в российскую традицию вошёл кабинетный подход к преобразованиям, без учёта мнения и интересов народа, и это порождало в обществе очередные осложнения. Тем более что выход из смуты шёл как бы в обратном порядке, снизу вверх, причём инициатива «снизу» имела огромное значение. И ещё одно важное замечание было сделано Ключевским на будущее: в ходе преодоления смуты рвались, как правило, политические «скрепы», в то время как оставались ещё крепкими национальные и религиозные связи, которые и цементировали общество. Главным «лекарством» от Великой смуты XVII в. было очищение России силами самого народа и преодоление в нём самом наследия средневековья. «Русское общество вышло из того потрясения разорённым и просветлённым, со страшной болью пережитых страданий и с обильным запасом новых опытов и мыслей», – писал Ключевский. Анализируя историю страны до и после смут, он заключал: смуты – это «переходные времена, которые нередко ложатся широкими и тёмными полосами между двумя периодами. Такие эпохи перерабатывают развалины погибшего порядка в элементы порядка, после них возникающего»⁵⁰. Таким образом смута представляла в работах Ключевского как категория сложная, многомерная, трагическая, в результате которой рождались новые силы.

Извлекая уроки из анализа смут в России, учёный обращал особое внимание читателей и своих учеников на те факторы, которые препятствовали прогрессу на протяжении всей истории нашей страны. В первую очередь речь шла о политической «скрепе» – монополизме власти. «Русская власть... привыкла видеть в подданных своих холопов, невольников и их приучила смотреть на неё как на плантатора». И вот это всевластие «сверху» давало свои последствия и вне страны («правительство уже тогда начинало торговать государством, как своей международной лавочкой»), и внутри, когда «государство пухло, а народ хирел». «Мы выросли под гнётом политического и нравственного унижения», – писал Ключевский. В результате «правительство и общество перестали понимать и себя, и друг друга»⁵¹. Таким образом в острейших политических вопросах своего времени историк не изменял строго научному подходу, вскрывая причины явления, его суть и последствия.

При изучении проблемы «Наука и политика» наряду с вопросом о путях развития общества важное место всегда занимает тема взаимоотношений власти и научной интеллигенции. Последняя призвана быть «мозговым центром» общества, между тем в русской исторической литературе можно встретить полярно противоположные оценки её деятельности. Одни видят в ней силу, оппозиционную власти, другие – её служанку, одни пишут о её всевластии, другие – о её ничтожестве, одни считают её силой социальной, другие – асоциальной и т.д.⁵² Во многом такая пестрота позиций является зеркалом пестроты самой

⁵⁰ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. С. 189; *он же*. Русская история... Кн. 1. С. 314.

⁵¹ Ключевский В.О. Афоризмы. С. 80, 323, 363, 383; *он же*. Русская история... Кн. 2. С. 132.

⁵² См.: Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Интеллигенция в России. 1909–2009. М., 2007; Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1990; Межсетов В.С., Расторгуев В.Н. Интеллигенция // Большая российская энциклопедия. Т. II. М., 2008; Уваров П.Б. Дети хаоса. Исторический феномен интеллигенции. М., 2005; Русская интеллигенция и западный интеллектуализм. История и типология. М., 1991; Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992; Шмидт С.О. К истории слова «интеллигенция» // Россия–Запад–Восток. Встречные течения. К 100-летию со дня рождения академика М.П. Алексеева. М., 1996. С. 409–417; и др.

российской интеллигенции и отражением сложности процесса её формирования в условиях авторитаризма. Поэтому особенно важно выяснить позицию Ключевского, его взгляды и дела как выдающегося представителя научной интеллигенции.

У Ключевского, как и по вопросу о смуте, нет специальных трудов на эту тему. Однако его оценки носят методологический характер. Прежде всего он чётко разграничивал подлинное призвание научной интеллигенции и её реальную деятельность в российских условиях. Критикуя термин «интеллигенция» как поспешный и не очень удачный, Ключевский видел её назначение в том, чтобы «понимать окружающее, действительность, своё положение и своего народа»⁵³. При этом историк снова предостерегал от смешения функций: интеллигент как человек образованный, мыслящий не должен играть роль судьи даже в том случае, если видит причины болезни. Интеллигент – диагност, даже не лекарь народа, который сам вылечит рану, если её почувет, хотя и не умеет вовремя замечать этого. К сожалению, с главной своей функцией русский интеллигент, по мнению Ключевского, не всегда справляется, и причина этого – в давлении политики.

Мы подошли к одному из острейших вопросов современности: каково реальное состояние сегодняшней российской интеллигенции? Ключевский в своё время не боялся высказываться довольно резко: «Нам твердили: веруй, но не умствуй. Мы стали бояться мысли как греха, пытливого разума как соблазнителя»⁵⁴. Как видим, речь идёт о долгодействующей духовной «скрепе», порождённой крепостным правом и авторитаризмом. В связи с этим российскую интеллигенцию в своей массе Ключевский квалифицировал следующим образом: это или сектанты с затверженными заповедями, или щепки, плывущие по течению, или люди с лоскутным мирозерцанием, сшитым из газетных и журнальных обрезков⁵⁵. К сожалению, это высказывание иногда расценивается как хула в адрес нашей интеллигенции. Между тем догматизм, дилетантизм и конформизм – реальные болезни, которые и сегодня мешают развитию нашей науки. До сих пор, по словам великого историка, на её пробуждение действовали лишь «толчки извне», кризисные явления. Но даже в этих условиях интеллигенция не доискивалась до причин событий. Поэтому и способность их понимания остаётся у русского интеллигента больным местом: «Образованный русский человек знал русскую действительность, как она есть, но не догадывался, что ей нужно и что ей делать»⁵⁶.

Ещё одной задачей интеллигенции (наряду с поиском истины) Ключевский считал историческое воспитание народа. И в этом вопросе его интересовали те реальные факторы, которые мешают интеллигенции выполнять её функцию. Почему она представляет собой, по его образному выражению, «дрянную вешалку для великих исторических знаний»? Почему русская интеллигенция оторвана от народа и «истина проводится в наше сознание подобно запретным заграничным товарам контрабандой, под ярлыком лжи или шутки»? Почему в результате носителей знаний можно называть у нас «казённокоштными золоторотами русского просвещения» или «продавцами конфет голодным людям»? Почему русского культурного человека иногда называют «дураком, набитым

⁵³ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. С. 298.

⁵⁴ Там же. С. 308.

⁵⁵ См.: там же. С. 299.

⁵⁶ Там же. С. 300, 308.

отбросами чужого мышления)? Ключ к ответу на эти вопросы Ключевский видел в том, что «уровень политического развития народа определяется политическими формами жизни». «В России все элементы культуры парниковые, казённые», – заключал он. Таким образом, и здесь историк выявлял действие духовных «скреп», от которых страдала страна. Они только изменили свою форму после отмены крепостного права. «При крепостном праве мы были холопами чужой воли, получив волю размышлять, мы стали холопами чужой мысли», – писал он. «Мы размышляем, как управляемся. Самовластие из политического порядка стало методом нашего мышления», а «произволу власти соответствует произвол мысли». Отсюда Ключевский делал неутешительный вывод: «Ещё много веков пройдёт прежде, чем чутьё правды выйдет из спальни на улицу»⁵⁷.

Можно подумать, что Ключевский в оценке политической позиции российской интеллигенции был ближе к тем, кто представлял её прислужницей или пленницей политиков. Однако это не так. Дело в том, что он рассматривал интеллигенцию в тесной связи с историей народа. «Трудно найти в Европе страну, отличающуюся меньшей сложностью и большей вялостью развития. Но скудный запас культурных сил является у нас в таких сочетаниях и с такими особенностями, которые, может быть, доселе нигде не повторились в Европе». Так, уже после освобождения от татаро-монгольского ига оказалось, что «политический и национальный успехи были достигнуты не... образованным человеком, а народом и его вождями, которые не все умели грамоте». И знаковой фигурой Новой России стал М.В. Ломоносов – «светило европейской науки, архангельский крестьянин»⁵⁸.

Не ограничиваясь замечаниями об общем настроении интеллигентов, Ключевский создал целую серию исторических портретов политических деятелей и учёных-историков Нового времени, которые украшают нашу историю. Это государственные деятели Ф.М. Ртищев, А.Л. Ордин-Нащокин, кн. В.В. Голицын, которые уже в допетровские времена проявляли «развитой политической ум, способность наблюдать, понимать и направлять общественные движения, с самостоятельным взглядом на вопросы времени, с разработанной программой действия, наконец с известным простором для политической деятельности». В частности, Ключевский отмечал у них понимание того, «что можно и чего не нужно заимствовать» с Запада, а также умение не отрицать огульно старину, а «в самой этой старине... найти новое, открыть ещё не тронутые и не использованные её средства и пустить их в оборот на общее благо» и, кроме того, пробуждение «простодушной веры в науку и этой доверчивой надежды с её помощью всё исправить»⁵⁹.

Специальный раздел у Ключевского был посвящён деятелям исторической мысли. В его галерее есть И.Н. Болтин, Н.М. Карамзин, Т.Н. Грановский, С.М. Соловьёв, К.Н. Бестужев-Рюмин, Ф.И. Буслаев и многие другие. Но, говоря о них, он опять же считал нужным характеризовать состояние общества, в котором они жили и трудились. Ключевский видел «робкое бессилие перед порядком при безграничной власти над лицами», а источником этого явления считал «отчуждение между господами и простым народом», которое, «разъедая энергию нашей общественной жизни, дошло до нас и переживает всех теперь

⁵⁷ Ключевский В.О. Афоризмы... С. 21–22, 24–26, 58–60, 67.

⁵⁸ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. С. 160, 197, 302.

⁵⁹ Ключевский В.О. Исторические портреты. С. 121, 126, 137, 147.

живущих». Рассматривая деятельность выдающихся российских историков под этим углом зрения, Василий Осипович раскрывал сильные и слабые стороны российской исторической науки. Так, он высоко оценивал вклад Карамзина, который «много помог русским людям лучше понимать своё прошлое, но ещё больше он заставил их любить его». Вместе с тем учёный был далёк от славословия, отмечая, что герои Карамзина существуют как бы вне исторической обстановки и «действуют в пустом пространстве». Карамзин, по его оценке, «не следит за исторической связью причин и следствий...», поэтому у него с целой страной совершаются неожиданные повороты, похожие на мгновенную передвижку театральных декораций»⁶⁰. А позднее, в 1906 г., Ключевский записал в дневнике мысль, которая может служить объяснением подобного явления: «Не знаю общества, которое терпеливее, не скажу доверчивее, относилось к правительству, как не знаю правительства, которое так сорило бы терпением общества, точно казёнными деньгами»⁶¹. Издержки же мысли у Карамзина, скорее всего, шли от его монархизма.

С другой стороны, Ключевский отмечал высокую гражданственность и вклад в развитие общественных отношений либерально и демократически настроенных профессоров истории. Так, Грановский «завязал... внутреннюю духовную связь между Московским университетом и обществом». «В его широком взгляде на жизнь и историю смягчались слишком односторонние или резкие направления», а, готовя деятелей для будущего, он действовал не только на мысль, но и на настроения слушателей, помогая им преодолевать и нетерпимость, и духовную апатию⁶². Однако это не мешало ему критически оценивать некоторые романтические утопии своих предшественников: так, Кавелин думал, что с освобождением крестьян всё изменится к лучшему, а Соловьёв верил, что «восстающий от времени до времени русский богатырь вынесет Россию на своих плечах»⁶³.

Как можно убедиться из вышесказанного, анализируя важнейшие исторические явления, Ключевский прежде всего изучал их причины, суть и тенденции развития. Более того, национальные проблемы он рассматривал на фоне мировых, выявляя в них общечеловеческое содержание. И благодаря этому его идеи так актуальны сегодня. Рассуждения учёного о сложности исторического развития нашей страны, о взаимоотношении нового и старого, национального и общемирового будят мысль и заставляют сегодня, в сложных условиях глобализации, более внимательно относиться к специфике общественного строя, природных условий и менталитета *каждого* государства.

В наши дни особую ценность представляют мысли Ключевского о роли исторической науки в переломные периоды развития страны. Анализируя состояние пореформенной России, он писал: «Стороннему наблюдателю Россия представлялась большим кораблём, который несётся на всех парусах, но без карт и компаса». В этих условиях у Ключевского всё настойчивее пробивалась мысль о том, что «предоставлять дела так называемому естественному их ходу значит отдавать их во власть дурных или неразумных сил, что *историческая закономерность состоит не в отсутствии сознательности, не в стихийности жизни*». Это положение усугублялось российской спецификой, о чём речь шла

⁶⁰ Там же. С. 230, 488, 489, 490.

⁶¹ Ключевский В.О. Афоризмы... С. 74.

⁶² Ключевский В.О. Исторические портреты. С. 492, 493, 495.

⁶³ Там же. С. 495.

выше: в России «правительство... думало и действовало за управляемое им общество, опекало его, предписывало ему образ мыслей, чувств и верований, правила благоповедения»⁶⁴.

На рубеже XIX–XX вв. роль исторической науки в обществе объективно возрастала. Ключевский писал: «Ещё недавно думали: зачем оглядываться назад... Теперь стали думать: чему может научить нас наше прошлое, когда мы порвали с ним всякие связи?» Между тем создавались благоприятные условия для прорывов в исторической науке, так как обнажались скрытые ранее тенденции. И Ключевский нащупывал болевые точки развития общества, порицая при этом историков за «безумную готовность к историческому самозабвению», когда, увлекаясь новым, забывают, в частности, о том, как «русская старина преобразовала реформу». Учёный призывал видеть эту сложность развития страны и не забывать, что «исторический закон – строгий дядька незрелых народов»⁶⁵. При этом сама реализация таких законов искажается «подозрительными дополнительными распоряжениями исполнительных органов». Нужно также учитывать и «отвращение к труду, воспитанное крепостным правом», которое стало, по его мысли, важнейшим фактором нашей новейшей истории. В народе оно проявлялось в том, что «прежняя общественная апатия уступила место общему ропоту, вялая покорность судьбе сменилась злоязычным отрицанием существующего порядка без проблеска мысли о каком-либо новом». Истинную подкладку этого недовольства Ключевский видел в глубоком социальном расщеплении общества⁶⁶. Благодаря научному анализу политической обстановки, общественного сознания, основных тенденций их развития учёному удалось создать картину, созвучную современности, выйти на вековые проблемы. Углубление социального расщепления как неизбежный катализатор народного недовольства стало одной из серьёзнейших проблем глобальной политической жизни. Так было во времена Ключевского, так происходит и сейчас.

Великий историк высказал ценные мысли и о путях воздействия исторических знаний на общественное сознание. Чтобы проникнуть в него и в нём укрепиться, нужно выполнить два условия: во-первых, идея должна соответствовать интересам общества, и нужно приспособиться «к обычным способам усвоения идей общественным сознанием», а во-вторых, учесть, «подготовлено ли общество к историческому размышлению. Но оба эти условия не всегда бывают налицо, и второе нередко отсутствует даже при наличии первого». Учёный с сожалением отмечал, что «мысль об истории как руководительнице жизни... довольно распространена; но она чаще появляется в обороте мнений, как хорошая сентенция, чем применяется в житейском обиходе, как испытанное правило». Зачастую в споре подбирают примеры из истории «для оправдания тенденций, непримиримых не только друг с другом, но и с здравым рассудком». Но в периоды кризисов, когда проявляется настоятельная потребность овладеть ходом дел, люди стараются сверять с историческим опытом цели, которые «обыкновенно составляют из совокупности интересов, господствующих в данную минуту». «В прошлом они ищут исторического оправдания всплывшим наверх интересам и практических указаний на средства к достижению намеченной цели»⁶⁷.

⁶⁴ Там же. С. 553, 554, 556.

⁶⁵ Там же. С. 554.

⁶⁶ Там же. С. 555.

⁶⁷ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. С. 365–366.

Самым большим грехом историков Ключевский считал кастовость, отрыв от жизни народа, увлечение абстрактными схемами. С горечью отмечая отсутствие живой связи между российской исторической наукой и общественным сознанием, он призывал коллег избавляться от «сектантской исключительности» и «жизненной своей частью входить в это общественное сознание». Так понимал учёный высокий долг российского историка и был верен ему всю жизнь. Об этом говорят его труды, коллеги и ученики. А.А. Кизеветтер в своих воспоминаниях отмечал, например, глубокую любовь Ключевского к науке, которая не просто учила, а «зажигала, давала почувствовать то особое наслаждение, которое сопряжено с погружением в научные интересы»⁶⁸. «Встречаясь с ним, – вспоминал известный писатель и общественный деятель П.Д. Боборыкин, – никогда не хотелось допытываться, к какому, собственно, лагерю он принадлежит, либерал он или консерватор, славянофил или космополит? Он был правдивый, чуткий, убеждённый толкователь судеб своей родины»⁶⁹. «В.О. Ключевский – единственный историк, который представляет русскую жизнь не только в виде истории фактов, но и в виде *философии истории*», – писал С.Ю. Витте⁷⁰. Василий Осипович призывал «воспроизвести наше прошлое в виде стройного исторического процесса, в котором выступали бы перед читателем как причины, его двигавшие, так и результаты, от него отлагавшиеся»⁷¹.

Любовь к Родине и науке, глубокие познания во многом объясняют самостоятельность позиции Ключевского как учёного и гражданина, которая, однако, никогда не превращалась в обособленность. Он охотно откликался на просьбы о помощи, проявляя смелость в защите учеников и коллег. В архивах хранится огромное количество заявлений Ключевского в защиту студентов. Как уже говорилось, он помогал Милюкову освободиться из тюрьмы, защищал своего коллегу кн. С.Н. Трубецкого. Рискуя своей политической репутацией, он помог талантливому опальному учёному В.И. Семевскому защитить магистерскую и докторскую диссертации. За помощью к нему неоднократно обращались и другие выдающиеся деятели российской культуры, и он никогда им не отказывал. Мы уже не говорим о его участии в разных благотворительных акциях.

Перед нами активная гражданская позиция Ключевского. Только раз произошёл срыв, когда в качестве председателя Общества истории и древностей российских он в юбилейной речи благосклонно высказался в адрес патронировавшего Общество Александра III. Это вызвало тогда негодование у студентов, а кое-кто поспешил заявить о сдвиге Ключевского вправо. Но профессор Петербургского университета С.Ф. Платонов позднее отметил, что позиции Ключевского не изменились даже спустя десятилетия⁷². Так или иначе, давления текущей политики не избежал даже столь крупный учёный, как Ключевский.

Чем же можно объяснить его духовную стойкость? Жизнь закаляла Ключевского. В раннем детстве он лишился отца и уже в школьные годы вынужден был заботиться о семье. Возможно, к этому располагала и обстановка в духовной семинарии, где он учился. Ведь не во всех духовных заведениях России господствовал авторитарный дух. Окончив семинарию, он выдержал настоящий

⁶⁸ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. С. 50.

⁶⁹ Русское слово. 1911. 14 мая.

⁷⁰ Там же. 27 мая.

⁷¹ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. С. 186.

⁷² Платонов С.Ф. Памяти В.О. Ключевского // Ключевский В.О. Характеристики и воспоминания. С. 95–96.

бой с её начальниками, не желавшими отпускать от себя способного ученика, и поступил в Московский университет. Студент Ключевский оказался в относительно свободных условиях. Во-первых, время его учёбы совпало с проведением в стране реформ; во-вторых, Москва не была столицей, и духовная цензура здесь была слабее, чем в Петербурге; в-третьих, Московский университет славился своей оппозиционностью; в-четвёртых, профессор С.М. Соловьёв предоставлял немало самостоятельности своему любимому ученику, и тот смог разработать собственную методологию истории (исторического синтеза) и внедрять её в учебный процесс. Заняв кафедру, Ключевский развивал традиции свободолюбия: под его руководством сформировались историки разных, порой диаметрально противоположных политических взглядов: монархист М.К. Любавский, либералы (с разными оттенками) П.Н. Миллюков и А.А. Кизеветтер, марксист Н.А. Рожков. Одновременно Ключевский читал спецкурсы, например, о реформах 1860-х гг., характеризуя события с разных политических позиций, и тем самым учил студентов самостоятельно мыслить. Он всячески способствовал проведению дискуссий по разным проблемам и поводам, начиная с защиты диссертаций и вплоть до чаепитий у себя дома. Самостоятельности взглядов способствовала сама методология исторического синтеза, развивавшая широкий взгляд на историю России в сравнении с мировой. Наконец, разносторонний талант и эрудиция этого выдающегося учёного вызывали всеобщее уважение, в том числе и в «верхних этажах» власти. Но главное – это идейная убеждённость и гражданская стойкость великого историка.

Итак, Ключевский не абстрагировался от политики. Он выполнял высокий гражданский долг учёного-историка, анализируя ведущие тенденции исторического развития и вооружая политиков знанием исторических закономерностей. Он предложил политический алгоритм цивилизованного общества: «непрерывное взаимодействие правительственной власти и народного представительства, крепнущего в борьбе с её преобладанием»⁷³. Это суждение и сегодня представляется весьма поучительным. Думается, в XXI веке, когда в общественную деятельность во всех сферах жизни втягиваются все слои населения, особенно необходимо развивать и внедрять в историческую науку методологию синтеза, воплощённую Ключевским в его трудах и педагогической практике.

---

⁷³ Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. С. 193.

Б.А. Романов и Е.Н. Кушева в 1951 году: незавершённый спор историков

Любовь Сидорова

Трудно переоценить роль переписки в изучении прошлого. Являясь самостоятельным видом исторических источников, обладающим своей спецификой и возможностями, она доносит информацию о фактах и одновременно их комментирует, раскрывая восприятие описываемых событий респондентами.